
ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия «Веки экономической мысли» задумана как продолжающееся издание, аналогичное по характеру издаваемым на Западе «Чтениям» (Readings) по различным разделам экономической науки. Включаемые в них статьи обычно рекомендуются в качестве дополнительного материала для изучающих экономику по программам промежуточного (Intermediate) и продвинутого (Advanced) уровня. Необходимость подобного издания на русском языке прямо связана с задачей преодолеть последствия семидесятилетней изоляции широкого круга отечественных читателей от мировой экономической мысли, способствовать реорганизации экономического образования в России, приближению его к мировым стандартам.

Первый выпуск серии включает переводы 15 статей, дающих представление о становлении и современном состоянии едва ли не наиболее «старого» раздела экономической теории, который, однако, полностью игнорировался советской экономической наукой, — потребительского поведения и спроса. Камнем преткновения, чужеродным элементом для господствовавшей в нашей стране марксистско-ленинской политэкономии оказался здесь сугубо личный, субъективный характер потребительского поведения, конкретнее — субъективное понятие предельной полезности, лежащее в основе его теоретического анализа. При этом появление этого понятия обычно связывалось с австрийской школой в политэкономии и рассматривалось как реакция на появление работ К. Маркса.

Однако субъективное понимание полезности, как и ее предельного характера, значительно старше. Как заметил историк экономической мысли Э. Коудер, «анализ субъективных элементов в экономической ценности был начат Аристотелем», а «французские, итальянские, швейцарские авторы эпохи Просвещения сделали его настолько совершенным, что вполне возможно было уже во времена А. Смита создать систему политической экономии исключительно на основе предельной полезности».¹

¹ I. E. Kauder. Genesis of the Marginal Utility Theory // Economic Journal. Vol. LXIII. Sept. 1953. P. 638.

Среди этих авторов французы Э. Кондильяк (1714—1780) и А. Тюрго (1727—1781), итальянцы Ф. Галлиани (1728—1787) и П. Верри (1728—1797), известный швейцарский математик и естествоиспытатель Д. Бернулли (1700—1782).

Так, Э. Кондильяк прямо предостерегал экономистов от объективизации «ценности». «Но вздумали, — писал он, — почитать ценность качеством неотделимым, нераздельным с вещами и независимым от суждений, а сие сбивчивое понятие послужило лишь источником худших умствований».²

«Трагизм этих писателей, — продолжает Э. Коудер, — в том, что их труды оказались невостребованными и скоро были забыты... Действительно, отец нашей экономической науки написал, что вода имеет большую полезность, но малую ценность. Этими несколькими словами Адам Смит обратил в прах все достигнутое за 2000 лет. Шанс начать в 1776, а не в 1870 г., с более верными представлениями об основах ценности, был упущен».³

Возможно, такой приговор в отношении А. Смита слишком суров. Бесспорно лишь то, что, восприняв у Смита «объективное» понятие «ценности в потреблении» (value in use), или «потребительной стоимости», и вменив ее самому «товарному телу», марксистская экономическая теория не только закрыла для себя возможности исследования потребительского поведения и спроса, но и обрекла себя на статус реликта допарадигмальной эпохи, если воспользоваться терминологией Т. Куна.⁴ Тем настоятельнее и сложнее задача возрождения экономической науки и образования в России.

Статьи, включенные в сборник, размещены в хронологической последовательности, что позволило представить процесс развития теории в реальном времени, избежать столь соблазнительной схематизации. Определенной «платой» за это явилась проблемная неструктурированность сборника. Так, статьи Дж. Хикса «Реабилитация...» и «Четыре излишка...», а также статья Г. Хотеллинга, посвященные вопросам измерения излишка потребителя и его роли в экономическом анализе, не следуют непосредственно за статьей Ж. Дюпюи, впервые применившего это понятие для оценки полезности. Статья Д. Бернулли, известная как «Санкт-Петербургский парадокс», открывает сборник, тогда как во многом перекликающаяся с ней статья М. Фридмана и Л. Сэвиджа помещена значительно далее. Последняя вместе со статьей К. Ланкастера представляет так называемые «новые» или альтернативные варианты теории полезности. Но их разделяет статья М. Фридмана о кривой спроса, следующая в основном традиционной теории.

Для недостаточно подготовленного читателя можно рекомендовать иной порядок прочтения сборника, более соответствующий последовательности изложения материала в стандартных курсах экономической теории.

² Э. Кондильяк. О выгодах свободной торговли. СПб., 1817. С. 16.

³ Ibid. P. 640.

⁴ См.: Т. Кун. Структура научных революций. М., 1977.

Им лучше начать с небольших и не требующих математической подготовки статей У. Джевонса, выход которых ознаменовал начало «маржиналистской революции». Взгляды, изложенные в этих статьях, сложились у Джевонса к началу 1860 г. Обе публикации оставались незамеченными широкой публикой до начала 70-х годов. Но и после публикации в 1871 г. «Теории политической экономии»⁵ статьи юного Джевонса остались той вехой, от которой ведет свою историю современная экономическая теория. Из статьи Т. Скитовски читатель поймет, что между «удовольствием» и «страданием» существуют более сложные связи, чем это предполагалось во времена Джевонса, что может поставить под сомнение рациональность потребительского поведения.

Статья Х. Лейбенштейна полезна для понимания перехода от индивидуального к рыночному спросу. В ней показано, что неаддитивность не является непреодолимым препятствием при переходе от индивидуальных к рыночным кривым спроса, если включить в теорию спроса внешние потребительские эффекты.

Статья Ж. Дюпюи интересна как первое стройное изложение теории предельной полезности. В ней впервые введено понятие излишка потребителя (по терминологии Дюпюи — относительная полезность), развитое впоследствии А. Маршаллом,⁶ рассмотрены проблемы косвенных (потоварных) налогов, ценовой дискриминации. Фактически она представляет первый шаг по пути к современному анализу «затраты — выгоды» (cost—benefit analysis).

Наконец, статья Дж. Винера дает весьма подробный обзор состояния количественной теории полезности на конец 20-х годов нашего века.

Статья Дж. Хикса и Р. Аллена, перевод первой части которой включен в сборник, знаменовала отказ от количественной и переход к порядковой теории полезности. Основные положения этой статьи через несколько лет были включены Дж. Хиксом в его книгу «Стоимость и капитал». Читатель должен иметь в виду, что содержащееся в статье положение о возрастающей норме замены было впоследствии снято автором и заменено положением об убывающей норме замены.⁷

Две другие статьи Дж. Хикса посвящены вопросам изменения излишка потребителя в контексте порядковой теории полезности, а статья Г. Хотеллинга — проблемам практического использования понятия излишка для решения некоторых задач экономической политики.

Статья М. Фридмана представляет исключительно тонкий анализ традиционной кривой спроса в связи с различиями между номинальным и реальным доходом.

Логическим завершением изучения теории потребления и спроса может стать знакомство с «новыми» теориями полезности К. Ланкастера и М. Фридмана—Л. Сэвиджа, логически созвучными статье Д. Бернулли.

⁵ В рус. пер.: В.-С. Джевонс. Политическая экономия. СПб., 1905.

⁶ А. Маршалл. Принципы политической экономии. М., 1983. Т. 1, кн. III, гл. VI.

⁷ Дж. Хикс. Стоимость и капитал. М., 1988. С. 114, сноска 1.

Теория К. Ланкастера основана на представлении потребления как производства, где отдельные товары рассматриваются как ресурсы (inputs), представляющие наборы определенных свойств или характеристик. Эти объективные свойства благ и являются объектом спроса в теории К. Ланкастера. Статья М. Фридмена и Л. Сэвиджа была воспринята многими как возврат к количественной, измеримой полезности. Общий анализ проблемы измерения полезности и его значения для экономической теории представлен в статье А. Аллиана.

Несколько слов о терминах, использованных в сборнике. Английское слово «value», как и французское «valeur», повсюду переводилось как «ценность», а не как «стоимость», что соответствует и смыслу данного термина, и принятой в России в XIX—начале XX в. традиции.

Используемый А. Маршаллом термин «consumer's surplus» переводится у нас то как «избыток потребителя», то как «излишек потребителя». В сборнике принят второй вариант перевода с тем, чтобы избежать ненужных ассоциаций с терминами «избыток спроса», «избыток предложения». Следует обратить внимание, что, как справедливо заметил К. Боулдинг, фактически мы измеряем «излишки» не потребителя и производителя, а покупателя и продавца.

Словосочетание «bandwagon effect» в названии статьи Х. Лейбенштейна связано с американской политической жизнью, где «to be in the bandwagon» означает «примкнуть к движению, имеющему шанс на успех». В немецкой литературе для обозначения того же эффекта используется термин «Mitläufereffekt» — эффект бегущих в общей массе. В нашем сборнике этот американизм переведен как «эффект присоединения к большинству».

В. М. ГАЛЬПЕРИН